

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ «НИНХ»

СЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
2021

Материалы
Всероссийской научной конференции,
посвященной памяти выдающегося ученого
Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019)

Новосибирск
2022

ББК 67.3(2)
С32

Рецензенты:

С.В. Лонская — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта;

Т.Н. Ильина — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, декан юридического факультета Курского государственного университета

Ответственные редакторы:

М.С. Саламатова — канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права НГУЭУ;

Ю.И. Узбекова — канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права НГУЭУ

С32 Серовские чтения 2021: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019) (Новосибирск, 27–28 октября 2021 г.) / отв. ред. М.С. Саламатова, Ю.И. Узбекова ; Новосибир. гос. ун-т экономики и управления. — Новосибирск : НГУЭУ, 2022. — 278 с.

ISBN 978-5-7014-1032-7

В сборнике представлены доклады, подготовленные участниками Всероссийской научной конференции, посвященной памяти выдающегося историка права Дмитрия Олеговича Серова, проходившей в г. Новосибирске 27 и 28 октября 2021 г. Публикации отражают широкий спектр современных исследований о проблемах развития судебной и правоохранительной систем России, истории российских судебных и следственных органов, истории юридического образования в России

Издание рассчитано на научно-педагогических работников, сотрудников судебных и следственных органов, а также всех интересующихся историей, проблемами и перспективами развития судебной системы и правоохранительных органов.

ISBN 978-5-7014-1032-7

ББК 67.3(2)

© Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ», 2021

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ДИСКУРС В РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ» В 1922 И 1928 гг.

Д. А. Мамонтова

PENITENTIARY DISCOURSE IN THE REGIONAL NEWSPAPER "SOVIET SIBIR" IN 1922 AND 1928

D. Mamontova

Дарья Андреевна Мамонтова – магистрант второго курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, darya.mamontova_1998@mail.ru

Научный руководитель – С. А. Красильников, д-р ист. наук, профессор.

Dariya Mamontova – second-year Master's Degree Student, Novosibirsk National Research State University, darya.mamontova_1998@mail.ru
Research advisor – S. Krasilnikov, Doctor of Sciences in Historical Sciences, professor.

Аннотация: в статье анализируются дискурс власти, используемый для представления советской, позднеимперской и зарубежной пенитенциарных политик и практик.

Abstract: The article analyzes the discourse of the political power that was used to describe the Soviet, the late imperial Russian and foreign penal systems.

Ключевые слова: пенитенциарная система, места заключения, «Советская Сибирь», пресса, дискурс.

Key words: penal system, places of detention, Sovetskaya Sibir (eng. Soviet Siberia), press, discourse.

После Октябрьской революции 1917 г. путь преобразований отечественной пенитенциарной системы, ведущий к сближению с зарубежными практиками в данной сфере (исполнение наказаний в соответствии с законами, гуманизация уголовно-исполнительной политики, выражавшаяся в регламентации условий содержания заключенных в нормативно-правовых актах, появлении института условно-досрочного освобождения и т.д.), был

прерван. Разрыв между практиками двух карательных политик, позднеимперской и раннесоветской, заключался в появлении внесудебной тюремной системы – места заключения ВЧК, а после 1922 г. – ОГПУ.

В Сибири из-за обстановки Гражданской войны работа по построению исправительно-трудовой системы осуществлялась позже центральных территорий: 5 января 1920 г. в составе отдела юстиции Сибирского революционного комитета (Сибревком) развернул свою деятельность карательный подотдел, руководящий системой мест заключения [20, с. 13]. В частности, в г. Новониколаевске вскоре после его освобождения функционировали два вида пенитенциарных учреждений – концентрационный лагерь, подконтрольный ВЧК, и дом принудительных работ, подведомственный НКЮ РСФСР. В дальнейшем на протяжении 1920 г. места заключения создавались в других губернских центрах Сибири, сложившись в устойчивую региональную систему.

Создание «новой», по заявлениям советского правительства, карательной системы требовало идеологического подкрепления, закрепления в сознании населения мысли о ее преимуществах по сравнению как с дореволюционной, так и зарубежной. Задачи пропаганды нашли свое воплощение в публикациях на данную тему в региональной газете «Советская Сибирь», что является объектом исследования настоящей работы. Непосредственным предметом нашего интереса выступает используемый для реализации задач пропаганды пенитенциарный дискурс, ядро которого составляет язык.

В XX в. в гуманитарной сфере произошел «лингвистический поворот», связанный с переосмыслением роли языка и с использованием лингвистики сначала в антропологических исследованиях, а затем и в исторических. Особое внимание уделялось осознанию того, что язык не описывает мир, а создает его, задавая определенные принципы и границы мышления человека. При таком определении язык довольно близок по значению к дискурсу, который больше связан с социальным, культурным, историческим или политическим контекстом, влияющим на тип коммуникации [21, с. 21]. Актуальность и необходимость обращения внимания на дискурсивные практики обуславливаются тем, что, по мнению Тён ван Дейка, нидерландского лингвиста, дискурс

напрямую связан с властью, поскольку лишь у ограниченного количества людей есть возможность «говорить и писать то, что хотят, тогда, когда хотят, и тому, кому хотят» [21, с. 27]. Соответственно, как обозначалось выше, язык (и дискурс) имеют влияние на сознание людей и косвенный контроль над их действиями.

В случае с газетой «Советская Сибирь», которая являлась политическим печатным органом Сибревкома и Сиббюро РКП(б) в 1922 – 1925 гг., а затем органом партийно-государственного руководства Сибирского края в 1925 – 1930 гг., можно обнаружить прямую связь с вышесказанным: с одной стороны ставилась задача представления «новой» пенитенциарной политики, с другой – методами ее реализации выступали находящиеся под контролем власти дискурсивные практики.

Для осуществления задач отражения уголовно-исполнительной политики и ее изменений в региональной прессе нами изучены текстовые массивы выпусков газеты за 1922 и 1928 гг. Выбор указанных лет объясняется процессами, протекавшими в это время в исправительно-трудовой сфере. К 1922 г. пенитенциарная система республики освободилась от наследия Гражданской войны (ликвидация лагерей), хотя и сохранились места заключения, подведомственные ВЧК, но основу ее составляли общие места заключения. В свою очередь вторая половина 1920-х гг. в карательной сфере характеризуется ужесточением, связанным с возникновением идеи о более широком применении принудительного труда в различных его формах, а затем и ее закреплении на законодательном уровне – издание постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательном политике и состоянии мест заключения» от 28.03.1928 г. [16].

По нашему мнению, на пенитенциарный дискурс оказывали влияние доктринальные приоритеты каждого из периодов: если в первый из них существовала необходимость пропаганды «новой» исправительно-трудовой системы с упором на ее преимущества по сравнению с дореволюционной и зарубежными системами, то во второй превалирующим станет императив ужесточения практик реализации карательной политики.

За 1922 г. нами были просмотрены 275 номеров газеты, в 75-ти из которых выявлено 90 упоминаний о состоянии уголовно-

исполнительной системы. В 1928 г. в просмотренных 248 номерах количество сообщений возросло до 218. Все сообщения за оба года тематически были поделены следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

**Отражение пенитенциарной политики
в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.**

Тема	1922 г.	1928 г.
Амнистия	15 (16,66%)	40 (18,34%)
Внутренняя жизнь мест заключения	25 (27,77%)	62 (28,44%)
Дореволюционная пенитенциарная система	1 (1,11%)	2 (0,91%)
Зарубежная пенитенциарная система	35 (38,88%)	92 (42,2%)
Инструкции	3 (3,33%)	4 (1,83%)
Отражение советской пенитенциарной системы в зарубежной прессе	2 (2,22%)	2 (0,91%)
Поддержка зарубежных заключенных	7 (7,77%)	14 (6,42%)
Реорганизация пенитенциарных органов	2 (2,22%)	2 (0,91%)

По приведенным данным видно, что структура пропаганды исправительно-трудовой политики в региональной газете за представленные годы в целом осталась прежней. Необходимо обратить внимание на то, что доля сообщений по зарубежной пенитенциарной системе в 1928 г. оставалась на таком же высоком уровне, как и в 1922 г., и, более того, была выше той части сведений, которая была посвящена советской пенитенциарной политике. Подобное распределение помогало решить одновременно две задачи – очернить зарубежную карательную систему и создать на этом фоне образ советской, более успешной и выстроенной для защиты, а не подавления интересов трудящихся. Сохранявшееся процентное соотношение информации в выпусках за выбранные годы подтверждает мысль о важности поддержания идеологического противопоставления «мы – они» на протяжении всех 1920-х гг.

Для анализа пенитенциарных дискурсивных практик в «Советской Сибири» выделим из общего массива сообщения с тональной оценкой (позитивной, негативной, сообщения с обеими оценками) (см. табл. 2).

Таблица 2

**Тональность сообщений по пенитенциарной политике
в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.**

Тональность	1922 г.	1928 г.
Позитивная	13 (29,54%)	17 (20,73%)
Негативная	30 (68,18%)	54 (65,85%)
Наличие обеих	1 (2,27%)	11 (13,41%)
Всего	44	82

Из приведенных данных следует, что структура базовых/ полярных оценочных суждений в сообщениях указанных лет имела устойчивый характер, хотя выросла доля сведений, имеющих одновременно и позитивную, и негативную оценки в сведениях об уголовно-исполнительной системе в 1928 г., что имело свое объяснение в условиях начавшегося ее реформирования. Для более детального анализа имеющихся дискурсивных практик необходимо обратиться к случаям использования той или иной тональной оценки.

В 1922 г. в сообщениях с негативной тональной оценкой в большей степени упор делался на проблемных моментах и недостатках именно зарубежной пенитенциарной политики и практики. Преимущественно отмечались условия содержания заключенных: «непосильный каторжный труд», «душные казематы» [17], «невыносимые пытки» [6], «тюрьмы переполнены до небывалой степени» [3]; сами же заключенные «томятся» в тюрьмах [10; 12; 17], «обречены на медленную смерть» [6] и др. В данном случае в сообщениях подобного типа из раза в раз повторялись одинаковые, клишированные слова и фразы. Однако, не все сообщения с подобной оценкой распространялись лишь на зарубежную карательную практику, – часть из них описывала советскую пенитенциарную систему, что требует объяснения. Во-первых,

ряд этих сведений, а именно три сообщения (10%), приходился на уголовно-исполнительную политику Дальневосточной республики (ДВР), которая в этот период де-юре была независимым государством. Все упоминания о ней носили негативную оценку при описаниях отношения к политическим заключенным – «применяются жестокие репрессии» [4], «все политические заключенные...будут перебиты» [22]. Если же негативные оценки касались не ДВР, то это было указание на существующие проблемы с состоянием мест заключения – необходимость «значительного ремонта» [13], а также «ужасные санитарные условия», «отсутствие средств» [5], что, впрочем, скорее, было выпадом в сторону позднеимперской пенитенциарной системы, чьи места заключения продолжались использовать в раннесоветский период.

Позитивная тональная оценка, наоборот, формировала выгодный образ советской карательной политики, освещая ее достижения. Ключевым являлось исправление преступников путем привлечения их к трудовой деятельности, являвшееся частью базовой идеи советской карательной политики. В подобных сообщениях показывалась трансформация восприятия труда заключенными: «недавно мы не имели понятия об этом», – приводятся слова одного из них [23], а «теперь можем сами работать самостоятельно, заработать честно себе на кусок хлеба» [23]. Помимо попыток показать успешность проводимой исправительно-трудовой политики, можно зафиксировать приемы превращения недостатков советской пенитенциарной системы, которые, по идее, должны были быть отражены в сообщениях с негативной оценкой, в ее достоинства. Например, говоря о побегах заключенных, акцент делался либо на факте поимки бежавших: «крупная поимка» [10], либо на пресечении побега: «неудавшийся побег» [14], что указывало на успехи работников карательной системы в целом, поскольку поимкой бежавших занимался уголовный розыск.

Если в сообщениях с негативной или позитивной тональной оценкой акцент делался на какой-либо одной сфере уголовно-исполнительной политики, а противопоставление лишь подразумевалось, то сообщения с обеими оценками напрямую говорили об этой конфронтации. В 1922 г. одно такое сообщение демонстрировало разницу между зарубежной пенитенциарной политикой – «непосильный каторжный труд», заключенные, «томящиеся в

душных казематах» [11], и советской – «Россия закрыла тюрьмы для борца за рабочее дело» [11], показывая, что советская карательная система была выстроена не для подавления интересов трудящихся, а для их защиты.

В 1928 г. сведения с негативной оценкой по-прежнему в большей степени описывали зарубежные и дореволюционные пенитенциарные практики – 43 сообщения (79,62%). Помимо сохранения общей направленности сообщений, прежним остался и характер изложения – упор делался на те же проблемы, зачастую для описания использовались те же слова и фразы, что и в 1922 г.: «варварское отношение», «унизительные работы» [7] и др. Так же, как и в предыдущий период, часть публикаций с негативной оценкой приходилась на советскую исправительно-трудовую политику, что, однако, приобрело новые черты, в отличие от представления зарубежной. Если в 1922 г. негативные моменты советской карательной системы относились либо к тюремной системе ДВР, либо к недостаткам, полученным «в наследство» от позднимперского периода, то в 1928 г. упор делался на деятельности работников пенитенциарных органов, несоответствующей необходимой постановке дела, появившийся по причине развития идеи самокритики. Так отмечают «безобразия, творившиеся в исправдоме» [24], «неопытность» и «халатность» сотрудников мест заключения [15] и др.

Серьезные изменения при рассмотрении тональности информации в 1928 г. произошли в структуре и содержании позитивных оценок. Большая часть подобных сообщений – 9 (52,94%) затрагивала зарубежную пенитенциарную сферу. Естественно, объектом этих сведений не были места лишения свободы, а демонстрации рабочих, выступающих за амнистию, освобождение политических заключенных. Основной упор в таких сообщениях делался на массовость этих мероприятий: «многолюдная» [9] манифестация, «грандиозная» [8] демонстрация. Появление позитивных сведений о зарубежной уголовно-исполнительной сфере поделило «их», которые до этого периода традиционно противопоставлялись «нам», на два лагеря, отделяя «настоящих врагов», – правительства этих стран, от трудящегося населения. Необходимо объяснить, почему подобных сообщений не было в газетной периодике в 1922 г., хотя аспект поддержки трудящихся стран –

«узников капитала» был частью доктрины «мировой революции» уже в тот период. Организацией, оказывающей материальную и моральную поддержку зарубежным заключенным, с 1922 г. была международная организация помощи борцам революции (МОПР). Однако, свою деятельность на территории Сибири – появление ячеек в Новониколаевской губернии, она начала лишь с 1923 г. Этот факт может объяснить, почему в сведениях о зарубежной карательной политике и поддержке зарубежных заключенных за 1922 г. рабочие западных стран не фигурировали.

На этом фоне выделение положительных сторон советской карательной политики сошло практически на нет, – по-прежнему использовался лишь метод смены фокуса с проблем на успехи («поймка опасного бандита» [1], «пытались бежать» [18] и др.), в то время как главное достижение карательной политики в 1922 г. – исправление преступников трудом – в 1928 г. практически перестало освещаться.

Наличие обеих оценок в сообщениях за 1928 г. играло ту же роль, что и в 1922 г., – прямое противопоставление советской и зарубежной пенитенциарных политик (просьба «не забывать о том-ящихся... революционерах» [2]) или, что стало новшеством для данного периода, правительства западных стран, проводящих карательную политику, и рабочих этих же стран, выступавших против нее («многочисленные общие собрания» против «убийства пролетарского революционера» [19]). Количественное увеличение сообщений с обеими оценками может свидетельствовать о необходимости более конкретного разграничения с позиций «мы – они», поскольку данная картина мира претерпела изменения.

Несмотря на то, что пенитенциарная тематика не являлась ключевой для газеты «Советская Сибирь», сведения о советской или зарубежной/ дореволюционной уголовно-исполнительной политике регулярно появлялись на ее страницах, четко обозначая идеологические приоритеты советского правительства. Хоть они и претерпели изменения в период с 1922 по 1928 гг., подход к представлению разных карательных политик глобально не изменился. Он сохранил свои основные параметры – акцентирование на необходимых деталях и избегание упоминания «лишних», не вписывающихся в формируемые образы (например, замалчивание проблем с довольствием заключенных, финансированием

мест заключения и пр.), задачи – противопоставление исправительно-трудовых политик идеологически «чуждых» режимов и «новой», советской, в пользу последней, структуру – превалирование сообщений о зарубежной пенитенциарной политике.

С другой стороны, представление уголовно-исполнительных политик в 1928 г. не осталось абсолютно таким же как в 1922 г. Изменение карательной политики в сторону ее ужесточения во второй половине 1920-х гг., акцент на идее самокритики, деятельность МОПРа в Сибири нашли свое отражение в усложнении структуры распределения оценок, – советская карательная политика перестала представляться преимущественно в позитивных коннотациях, также как и зарубежная – исключительно в негативных.

Литература

1. Бандит в женском платье // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. №5 2. С. 4.
2. Бела Кун приехал в Москву // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 179. С. 2.
3. Белый террор в Латвии // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 213. С. 2.
4. Белый террор во Владивостоке // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 42. С. 2.
5. Борьба с преступлениями // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 273. С. 2.
6. В буржуазном застойке // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 34. С. 2.
7. Варварское отношение к политзаключенным в Румынии // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 64. С. 1.
8. Грандиозная революционная демонстрация в Берлине // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 102. С. 1.
9. Дорио арестован // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 101. С. 3.
10. Крупная поимка // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 80. С. 4.
11. Международная организация помощи борцам за рабочее дело // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 297. С. 2.
12. На помощь заключенным польским коммунистам // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 271. С. 2.

13. Необходим ремонт // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 217. С. 4.
14. Неудавшийся побег // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 128. С. 4.
15. Отклики на заметки // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 276. С. 4.
16. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Ежедневник советской юстиции. М., 1928. № 14. С. 417–419.
17. Пролетариат России – польским коммунистам // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 297. С. 2.
18. Пытались бежать // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 238. С. 4.
19. Рабочие Чехословакии и Германии протестуют против выдачи Б. Куна // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 111. С. 1.
20. Разбирин Л.И. Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920 – 1960 гг.): монография / Л. И. Разбирин, Л. К. Пальмова ; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск : НГУЭУ, 2020. – 184 с.
21. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.
22. Угрозы палачей // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 217. С. 1.
23. Химическая мастерская «Ито» // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 148. С. 4.
24. Шайка насильников в витебском исправдоме // Советская Сибирь. Новосибирск, 1928. № 118. С. 1.